не въ холодномъ догматѣ, а непосредственно, какъ зѣвота...

«Одна провѣрка, которой я подвергаю и всегда буду подвергать преданіе объ истинѣ, это то, согласны ли даваемые отвѣты со смутнымъ одиночнымъ отвѣтомъ, начертанномъ у меня въ глубинѣ сознанія».

Это выражено уже почти догматически такъ: «Богъ открывается только непосредственно сердцу человѣка».

И тутъ же на страницахъ, гдѣ такъ глубоко прослѣжены выводы формулированной выше идеи, встрѣчаемся со своеобразной теоріей разума какъ основы жизни, какъ божественнаго закона ея, и разума, какъ орудія логической провѣрки, какъ органа, который единственно вводитъ насъ въ соприкосновенія съ міромъ и единственно отвѣчаетъ ему на весь опытъ переживаній.

Мы встрѣчаемся съ категорическимъ утвержденіемъ:—«Единственное орудіе познанія, которымъ владѣетъ человѣкъ,—его разумъ».

Запутавшись въ борьбѣ съ офиціальной церковью, Толстой схватился за разумъ какъ за союзника въ этой борьбѣ. Ибо ему съ одной стороны надлежало защищать свое жизненное откровеніе вѣры, откровеніе Бога, загорающееся въ душѣ какъ вѣсть о жизни и спасеніе отъ гибели пустоты и безсмыслицы,—а съ другой стороны онъ же велъ горячую